

Наталья Баклина

Сколопендра

Мистика любви

Наталья Баклина
Сколопендра

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Баклина Н.

Сколопендра / Н. Баклина — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Она точно знает, чего хочет - всего в этой жизни добиться самой. И она добилась. Взрослая дочь, престижная работа, квартира в Москве. Разве что личная жизнь не очень сложилась... Впрочем, Любу всё устраивает, тем более, от мужчин этих одни неприятности. Устраивает до поры до времени, пока очередной мужчина не начал против неё карьерные интриги, дочь не взбунтовалась, а душа не потребовала отдыха. И кто же знал, что недельный поход по горам Крыма в компании случайных людей станет для неё поворотным..."Сколопендра" - продолжение романа "Неделя странного лета"

© Баклина Н., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

*Герои и действие романа вымышлены, совпадения случайны.
Роман написан до присоединения Крыма к России.*

Глава 1

– А я вот так пойду! У меня три козыря! Что, папка, сдаёшься? Ахаха-ха-ха, ахаха-ха-ха, а-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Больше всего меня донимал этот противный смех. Мало того, что девчонка резалась в карты с собственным отцом, она ещё и каждые десять минут по-дурацки хохотала дурацким хохотом из дурацкого мультика. Моя Маришка, ещё в школе училась, притащила как-то в дом одноклассницу вместе с кассетой с этими дрянными мультфильмами – гидроцефального вида птичка с клювом, вдвое больше её тельца, долбит дырки в чём попало и издаёт этот то ли смех, то ли победный клич – в любом случае мерзкое ржание. Мультки они крутили весь вечер, и ржание раздавалось каждые две минуты, пока у меня не лопнуло терпение. Когда лопнуло, я вежливо спросила Маришкину одноклассницу, не заждались ли её дома. Девочка оказалась понятливая, собралась и исчезла, а Маришка тогда впервые устроила мне «бунт на корабле», вопя, чтобы я не смела выгонять её подружек.

– А мы тебя вот так и вот так! – азартно комментировала девчонка свои ходы. Со своей боковой плацкарты я её не видела, но представляла хорошо – ещё вчера, когда садились в вагон, я обратила на девчонку внимание. Крепенькая, вертлявая, на вид лет десяти и, судя по поведению, скверно воспитанная. Ну что он, папаша этот, не понимает, что ребёнок ведёт себя неприлично? А соседи по купе? Они почему молчат?

Я лежала, злилась, пыталась читать и не обращать внимания. Получалось плохо.

– Проиграл! Проиграл! Подставляй нос, папка, тебе пять щелчков! Ахаха-ха-ха, ахаха-ха-ха, а-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Нет, это просто немыслимо! Ну как ты не обращать внимания, если вопли – на весь вагон? Я решительно поднялась с полки, нашарила тапки – не люблю скандалить, а что делать? – и двинулась в сторону развесёлой плацкарты.

Мужчина сидел у окна, зажмурившись. Девчонка, зажав несколько карт в руке, примерялась к отцовскому носу. За процессом наблюдали ещё две попутчицы: одна постарше, примерно моих лет, вторая помоложе, лет двадцати.

– Раз! Два! Три! – начала громко считать девочка, шлёпая картами папашу.

– Граждане, вы не могли бы вести себя потише? – не менее громко поинтересовалась я, вставая в проходе живым укором в непотребном поведении.

– Что? – повернулся мужчина, открыв глаза. Был он русоволосым, конопатым, с носом-картошкой, слегка покрасневшим от дочуркиных манипуляций, и с тем простецким выражением лица, которое в мужчинах меня бесит чрезвычайно. Как правило, такие простачки – из неудачников и подкаблучников, те ещё тряпки. Взгляд его стал растерянным – видимо, грозная баба, возникшая в проходе, слишком контрастировала с настроением, в котором он пребывал.

– Не могли бы вы. Проследить. Чтобы ваш ребёнок. Разговаривал потише, во-первых. И прекратил смеяться этим дебильным хохотом, во-вторых? – повторила я, чеканя слова и добавляя металла в голосе.

Разозлили! Сами виноваты.

– Простите, мы вам мешаем? – заморгал «папка». Ну точно – тряпка!

– Вы всему вагону мешаете! – сообщила я, и его простецкое лицо стало смятённым.

– Ну, за всех-то вы не говорите! – неожиданно вмешалась попутчица-наблюдательница, та, что постарше. – Мне, например, Любашина непосредственность совсем не мешает.

Надо же, она ещё и Любаша! Тёзка, значит.

– Ну, если вы игру в карты считаете детской непосредственностью, это ваши проблемы, – хмыкнула я, переводя взгляд на заступницу и всем своим видом давая понять, насколько это гадкое на самом деле занятие. Я специально подчеркнула голосом «вы» и «ваше», чтобы лучше дошло. – Но безумный хохот каждые пять минут – это уже, по-моему, серьёзное отклонение от нормы!

Женщина подобралась, собираясь что-то ответить, но тут вмешался мужчина:

– Я понял, я понял! Извините! Любаша, ты слышала? Тётя просит тебя больше так не смеяться!

– Меня? – заморгала девочка, которая наблюдала перепалку со спокойным интересом. – А почему не смеяться?

– Потому что в вагоне кроме вас с папой едут и другие люди. И многим твой хохот мешает, – объяснила я девчонке. Кажется, она не поняла, что весь сыр-бор разгорелся из-за неё.

– Ну это же так дятел Вуди смеётся! – распахнула та по-отцовски серые глаза.

В отличие от рохли-папаши на личике моей тёзки глаза смотрелись потрясающе. Миленькая девочка. Жаль, что слегка дебильная. Надо с ней помягче.

– Я знаю, детка. Но очень тебя прошу, пусть он больше не смеётся. Или смеётся шёпотом. А то у меня уже голова разболелась. Договорились? Вот и умница.

Кивнув, я поставила точку своим словам, развернулась и пошла, держа строгую спину. Ну а что, раз уж включила начальницу!

Ушла недалеко, в туалет в начале вагона. Там было грязно, над железным унитазом пришлось нависать в брезгливом полуприсиде. Кран с железным соском, на который нужно давить, чтобы пошла вода, мутное зеркало над раковиной, откуда на меня глядела женщина сорока лет со складкой между бровей и плотно сомкнутыми губами. И тут безоговорочная победа над дятлом Вуди перестала мне казаться столь приятной.

– И зачем это тебе надо было, а? – спросила я, глядя в глаза своему отражению. – И ради чего, скажи на милость, ты потащила незнакомо куда и непонятно с кем? И чего тогда воюешь

с пассажирами, если уж потащишься? Сейчас не ты устанавливаешь правила! Или принимай, как есть, или возвращайся!

Умывшись тепловатой водой, я вышла в коридор и тут же попала в «вудиный» хохот. Правда, издав разгоночное «ахаха-ха-ха», девочка резко оборвала его, будто закрыв рот рукою, а потом сказала громким шёпотом:

– Папка, я нечаянно! Оно само! Может, она не слышала? Такая тётка злющая, ругается, как баба Зина!

И тут я как раз и прошла мимо них всех, чувствуя себя абсолютной дурой и склочницей. Пришлось делать каменное лицо и вид, что я действительно ничего не слышала. Но всё-таки заметила, как пассажирка, что помоложе, приснула и отвернулась к окну.

– Ну, чего ты там? Провела воспитательную беседу? – свесилась ко мне со Анна. Билеты нам обеим достались боковые, я внизу, она на верхней полке.

– Провела. Сил уже не было слушать эту дятлову истерику! – вздохнула я и добавила, почему-то чувствуя потребность доказать свою правоту:

– Не понимаю, как можно загаживать детям мозги всяким низкопробным бредом, а потом ещё и позволять этот бред транслировать!

– Ага, а высокопробный бред транслировать лучше? – зевнула Анна.

– О чём это ты? – не поняла я. Это моя отповедь высокопробный бред, что ли?

– Да так, к слову прицепилась. Ты не знаешь, станция скоро?

– Не знаю, у проводника спроси.

– Пойду, спрошу, заодно и чаювозьму. Собери свою полку, а?

Анна ушла в начало вагона, я скатала матрац и поискала взглядом, куда его деть. На третью полку – вряд ли доброшу, высоко. Ладно, на вторую к Анне закину.

– Вам помочь? – спросил сосед напротив.

– Не надо, я сама, – отмахнулась я.

Сама справлюсь! Я рывком перекинула скатку наверх. Потянула за язычок в середине полки, та поддалась и сложилась, превратившись в маленькую квадратную столешницу между двумя квадратными сидениями, на одно из которых я и уселась.

Анна задерживалась. За окном проплывали украинские виды. Впрочем, они ничем не отличались от видов российских, разве что деревьев было поменьше. Таких лесов, что красовались вчера вечером, когда мы отчалили от Курского вокзала, уже не было. Мимо нашего скорого «Москва-Феодосия» с самого утра мелькали станции, сельские домики, окружённые пышной сентябрьской зеленью, городские панельные «хрущёбы», торчавшие памятниками общего

соцпрошлого ныне суверенных государств. Виды были почти такими же, что мне доводилось наблюдать во время командировок в Тулу, Владимир, Липецк или Курск.

– Кому гривны? Гривны! Меняю гривны на рубли и доллары!

По вагону шла тётка, потряхивая пачкой купюр. Остановилась рядом:

– Женщина, вам гривны не нужны? Поменяю по хорошему курсу!

– Нет, спасибо, не надо, – я отвернулась. Ещё чего не хватало, у первой попавшейся бабы деньги менять! Подсунет ещё фальшивые. Нет уж, в Феодосии в банке обменяю. Арсений сказал, что у нас будет такая возможность.

Возможность-невозможность... Наверное, я точно слегка умом тронулась, раз решилась на эту поездку... И я перестала видеть пейзаж за окном, опять свалившись в воспоминания, которые крутились в голове с шести утра, когда нас разбудили в Белгороде на российской границы.

Утро у меня сегодня началось с пересечения границ. Сначала я показала свой паспорт русским таможенникам в серой форме, через полчаса – украинским в синей. Послушала, как синий таможенник разговаривает по рации с коллегой – у того в вагоне обнаружили граждане Украины без документов. Паспорта вместе с деньгами пропали в промежутке между границами – на российской были, на украинской уже нет. Воришка умудрился украсть сумку, где семейство везло всё самое ценное. «Проводник подтверждает, что они граждане Украины. Когда садились в вагон, он проверял паспорта», – сообщил невидимый собеседник, и таможенник, видимо, старший в наряде, разрешил: «Ладно, пусть въезжают!»

«Интересно, а если бы у меня документы украли? Таможенники бы меня обратно отправили?» – подумалось мне тогда. А потом подумалось, что хорошо бы, если б отправили. Поймав себя на этой мысли, я испугалась и проверила пакетик в изголовьи, куда завернула паспорт и те сто долларов, которых, по заверениям Анны, мне должно было хватить в Крыму «за глаза». Да и в самом деле, на что могут понадобиться деньги, если живёшь в палатке на берегу моря? Это тебе не в Барселоне загорать! Потом подумалось, что, наверное, было бы разумнее поехать на бархатный сезон именно в Барселону или, скажем, в Салоу, а не туда, куда я еду сейчас – в никуда, наобум, поддавшись странному порыву и обаянию Анны, случайной, если разобраться, знакомой. Все эти мысли окончательно разогнали те остатки сна, что не смогли разогнать две таможни. И передо мной и тогда, утром и вот сейчас, когда день уже перевалил на вторую половину, опять встали события, которые обрушились на меня накануне отпуска, перебаламутив мою спокойную и отлаженную жизнь.

Впрочем, не то чтобы совсем уж накануне... Что-то такое назревало исподволь ещё с февраля, когда к нам в компанию пришёл работать Бубенко, новый директор по развитию. Мне он не понравился сразу же, – наглый субъект из тех самодовольных плейбоев, которые считают, что весь мир у их ног только потому, что они родились с членом. Чувство было взаимным: когда Лебедев, наш генеральный, собрал «топов», чтобы познакомить с новым директором, этот Бубенко смерил меня, единственную женщину из пяти директоров, таким взглядом, словно хотел сказать «А эта как сюда затесалась?». Ну да, товарищ не понял. Для таких типов ведь женщина либо секс-партнёрша, либо обслуживающий персонал. А я ни в ту, ни

в другую категорию не попала: тридцатилетний Бубенко моложе меня на шесть лет и занимает равную со мной должность.

А вот Ниночка, менеджер по рекламе и, считай, моя личная помощница, попала, и довольно быстро – практически, вляпалась. Наверняка на мартовской корпоративной вечеринке у этих двоих всё произошло. И с этих пор в покладистую и неперечливую Ниночку словно бес вселился. Огрызаться начала, спорить, как-то на неделю на работу не вышла, сказавшись больной. В общем, вышла девчонка из-под контроля и принялась осложнять мне и так непростую жизнь. Шутка ли – у компании восемнадцать филиалов по стране, восемь из них открыты за два последних года, шестнадцать – моими стараниями. Да, да всё так, без ложной скромности говорю, как есть: в том числе и мои способности подняли фирму на те высоты, где она сейчас процветает. Я директор по продвижению, а это вам не девочка по вызову. Это и маркетолог, и пиарщик, и рекламщик в одном флаконе. Рынок оценить, стратегии придумать, проследить, чтобы всё, от символики до наружной рекламы, было как следует. И всё это – под моим жёстким контролем и твёрдой рукой. А то не углядишь – и вылезёт какой-нибудь шедевр спермотоксикозного креатива типа «сосу за копейки»...

До Ниночки у нас в отделе рекламы работал один такой, озабоченный. Этот паршивец так и норовил всё сделать по-своему и отвлекал уйму моих сил на контроль. Воодушевившись скандальной рекламой пылесоса, он как-то выдал собственный шедевр: фото красного дивана с надписью по диагонали «Ценовой оргазм гарантирован»! Он почти убедил Лебедева дать эту пошлость в газеты и на билборды, хотя я была категорически против. И просто бесилась от аргументов, которые нашёптывал генеральному горе-рекламщик: мол, слоган должен эпатировать и запоминаться! На счастье нашей компании, довольно скоро в газетах разразился скандал насчёт копеечного сосания, и генеральный опомнился, приняв-таки мои доводы, что при нашем бизнесе – мебель всё-таки выпускаем для нормальных квартир, а не для борделей – компании такая слава ни к чему. В итоге в люди вышел слоган, который я придумала вместе с Ниночкой, тогда работавшей в рекламном агентстве: светлый обжитой диван, на котором лежит раскрытый журнал, вязание и плюшевый мишка. И слоган: «Здесь уютно». В журналах и на билбордах наш диван смотрелся потрясающе – на нём просто хотелось жить.

Горе-рекламщик обиделся и уволился, на его место я переманила из агентства Ниночку, на которую полагалась абсолютно, и с облегчением переложила на неё солидную порцию своих забот. Контролировала, конечно, как же без этого. И уму-разуму учила. А что, повезло ведь девчонке, что рядом с ней такая женщина, как я: волевая, сильная, одним словом – бизнес-вумен. Если бы в мои юные годы у меня была такая наставница, я бы не наделала тех глупостей, что наделала. И тут вам – здрасти-пожалуйста, Ниночка спуталась с Бубенко и задурила. Делает всё кое-как, в ответ на мои замечания смотрит наглыми прозрачными глазами...

Так она смотрела до августа. А в августе, вернувшись из двухнедельной командировки в Ярославль, где в новом торговом центре открывался наш восемнадцатый филиал и требовалось лично проследить за открытием, я обнаружила на Ниночкином столе журнал с нашей рекламой. На самом деле, я даже не сразу поняла, что реклама наша, зацепилась вниманием лишь за знакомый логотип фирмы. Журнал был незнакомым. Реклама – тоже. Начиная с мая, мы давали такую картинку: солнечно-жёлтый диван с голубыми спинкой и подлокотниками стоит на зелёной травке. Над диваном вьются бабочки и слоган «Купи кусочек лета». На этой же фотографии летом и не пахло. Чёрный фон, в середине переходящий в оранжевый, на оранжевом фоне – чёрное кожаное кресло. В кресле валяется девица, задрывшая на его спинку умопомрачительно длинные стройные ноги. И надпись: «Возьми меня».

Я оторопела. Что это за призывы?

– Нина, что это? – спросила я, когда Ниночка вошла в кабинет.

– Реклама, – независимо пожала та плечами и осталась стоять в дверях.

– Откуда? Кто утвердил эту пошлость?

– Дмитрий Владимирович... То есть, мы втроём, вместе с Сергеем Михайловичем! И это не пошлость! Это работа на мужскую аудиторию! Мы почти не учитываем этот сегмент покупателей в своих программах продвижения.

– Это тебе Дмитрий Владимирович сказал? – я отошла от Ниночкиного стола, и та юркнула на своё место, словно под защиту бумаг и компьютера. – А то, что решение о покупке мебели принимают в основном женщины, он тебе не сказал? А то, что ни одна уважающая себя женщина не захочет, чтобы у неё в доме стоял вот такой... филиал притона, он тебе тоже не сказал?

Защитный бастион Ниночке помогал плохо. Я просто фонтанировала негодованием, которое подогревало ещё и то, что публикация вышла в несогласованном со мною журнале. Причём девицы на других страницах журнала были ещё менее одеты, чем та, что на рекламе с креслом.

– А откуда он взялся, этот, с позволения сказать, рекламный носитель? – потрясла я злополучным изданием.

– Это новый журнал... Для мужчин! – Ниночка откинулась в кресле и посмотрела дерзко, хотя побледневшие скулы и подрагивающие ноздри выдавали волнение.

– Отлично, просто отлично, – я добавила яду в голосе. – И с каких это пор мы даём рекламу в нераскрученных изданиях?

– Это хороший журнал... Везде продают... Они нам скидки хорошие дали, – дополнительную порцию яда Ниночка выдерживала с трудом – теперь уже дрожали не ноздри – губы. И тут в кабинет вошёл Бубенко.

– Что за шум, а драки нет? Любовь Сергеевна, ваш разнос по всему коридору слышно. Перестаньте прессовать Нину, это я распорядился насчёт рекламы.

– А с какой, позвольте узнать, стати? – я развернулась к нему, разом забыв о Ниночке. – С какой стати мы теперь даём рекламу в порноизданиях? И почему меня ставят перед фактом? За рекламу в нашей компании отвечаю я. Или что-то изменилось?

– Времена изменились, Любовь Сергеевна, времена! – сказал Бубенко, усмехаясь и окидывая меня взглядом, словно оценивая. Оценка не дотягивала и до трёх с плюсом. – Все эти ваши сюси-пусы с диванами – вчерашний день, беспольные сопли для старушенций.

– А вот это, по-вашему, день сегодняшний? – я потрясла журналом. – По-вашему, ярко выраженная половая ориентация помноженная на эрекцию вызовет бурный потребительский оргазм?

Бросив злополучный журнал на стол, я перевела дух и спросила:

– Нина, у вас нет ощущения дежавю? Однажды, помнится, мы с вами от потребительских оргазмов отказались. И вот – опять «Возьми меня!» Оргазм в отдельно взятом сомнительном издании на нашей, тоже, получается, сомнительной, мебели..

И тут меня осенило. И я спросила спокойно и почти ласково:

– Дмитрий Владимирович, если не секрет, а какой откат вам заплатили ребята из журнала?

По его вильнувшим в сторону зрачкам я поняла, что с откатом угадала. Так что оргазм оказался весьма ограниченным – карманным. И если кто чего и взял в результате этой рекламы, то Бубенко на лапу.

Следующие минут двадцать я провела в кабинете генерального, решив, что пора расставить все точки над «ё». Лебедев мастрил из них запятые: мямлил, что новая линия мебели рассчитана на активных мужчин от двадцати пяти до сорока лет, поэтому и реклама должна быть соответствующей. Что Дмитрию Владимировичу, как директору по развитию бизнеса и свежему в компании человеку, видны многие вещи, которые я (как несвежий человек, очевидно!) пропускаю. И это хорошо, потому что ум, как говорится, хорошо...

На этих словах я поняла, что устала. Очень устала. Устала тянуть на себе эту прорву дел и воевать с этими тупыми мужиками, которые ничего не понимают и не чувствуют. А если и чувствуют, то только одним-единственным органом, и это отнюдь не сердце...

Из офиса я ушла пораньше – и так ведь явилась утром прямо с ночного поезда, не заходя домой. Может, и взвилась так от того, что устала? Домой, домой! Полежать в пенной ванне, успокоиться и на свежую голову, обдумать ситуацию, которая, похоже, дошла до предела. Если уж этот наглец Бубенко напрямую вмешивается в мои полномочия, а эта поганка Ниночка ему помогает, то не пахнет ли дело керосином? В смысле, не пытается ли он выжить меня из компании? Нет уж, шиш ему, не обломиться. Я пятый год здесь работаю, своими руками, можно сказать, компанию на рынок выводила. А тут явился...директор по развитию. Смотрит на меня, как на...недоразвитую.

Дом встретил меня запахом табака и странными звуками. Я застыла на пороге, пытаюсь понять, что происходит. В прихожей стояли огромные растоптанные кроссовки, раза в полтора больше моих домашних тапок. На дверной ручке висела холщовая торба на длинном ремне. Странные звуки доносились из кухни. Не разуваясь я прошла вперёд и застала такую картину: моя Маришка, взлохмаченная и в халатике, явно накинутом на голое тело, сидела ко мне спиной, с ногами взобравшись на стул. На столе стояла пепельница с двумя папиросными окурками. А напротив стола на угловом диванчике сидел какой-то тип – наполовину бритый, наполовину волосатый. Выбриты были виски и, насколько я смогла заметить, затылок. Волосы, оставленные на макушке, собраны в тонкий хвост. В левом ухе у парня болталось целая гроздь колечек. Одет он был в чёрную футболку с изображением конопляного листа и свободные

серые штаны с уймой карманов. Закрыв глаза, парень дёргал пальцем за железку, засунутую в рот. Она и издавала тот странный напевно-дребезжащий звук, который я слышала с порога.

С минуту я стояла, переваривая увиденное. А переваривать было чего – моя Маришка, моя чистая девочка, привела в дом какого-то вахлака! Это что же, все две недели, пока меня не было, он тут и жил? «Вахлак», видимо, почувствовав мой взгляд, перестал дёргать за железку и открыл глаза. Маришка обернулась.

– Мама? Ты уже вернулась? А почему так скоро? Ты же на работе должна быть!

– Кто это? – я показала подбородком на парня, который смотрел на меня как-то странно, расфокусированно, словно был не совсем здесь.

– Это Демьян, он мой друг, – заморгала Маришка.

Он ещё и Демьян! Всё, довольно.

– Мариш, не пора ли твоему другу уже и честь знать? – сказала я холодно. – Я очень устала.

– Да, конечно, – взгляд Демьяна, наконец, прояснился. – Извините. Я пойду.

– Подожди, я провожу до метро! – взвилась Маришка. Так, девчонку пора приводить в сознание.

– В таком виде? – я подняла бровь, взглядом показывая на расстегнувшийся халатик, обнаживший Маришкину грудь и, так и есть, накинутый на голое тело. Потом посторонилась, пропуская мимо себя Демьяна, от которого пахло смесью табака и смолистого мужского парфюма. Запах мне неожиданно понравился. А вот поведение дочери, которая, крикнув «Подожди меня на лестнице!», кинулась в комнату переодеваться – нет.

– Марина, может быть, ты останешься? – я повысила голос. – Демьян наверняка доберётся до метро самостоятельно. Я две недели тебя не видела, нам надо поговорить!

– Да вы не волнуйтесь, – сказал Демьян, снимая с двери торбу и надевая её через плечо, – она проводит меня только до метро и вернётся.

Судя по времени, Маришка провожала его гораздо дальше. Или сидела с ним где-нибудь на лавочке. Домой дочка вернулась часа через два. К этому времени я, убедилась, что этот Демьян действительно тут пожил, а не забежал на часок подрывнуть на своей железке – разобраный диван с двумя подушками, наспех накрытый покрывалом, был более чем красноречив.

Волноваться ещё и на этот счёт сил у меня не было совершенно, и я решила всё-таки принять ванну. До Маришкиного прихода успела налечь в воде в своё удовольствие, и то ли душистая пена поспособствовала, то ли морская соль, но из ванной я вылезла собранной и оправившейся после обоих этих ударов. Мне уже больше не казалось, что жизнь выходит из-под контроля, и я точно знала, что надо делать. Ситуацию с рекламой я нейтрализую, припугнув Бубенко разоблачением его финансовых махинаций, а с Маришкой серьёзно поговорю.

И не о том, что она начала спать с мужчинами – пора уже, в девятнадцать-то лет. А о том, что нужно более взыскательно подходить к своим сексуальным партнёрам. А то Демьян этот какой-то странный. На наркомана похож.

Но разговор с дочерью пошёл совсем не так, как я его себе представляла. Вернувшись, Маришка с независимым видом принялась убирать постель, начав с измятой простыни. Наноса крем на лицо, я видела в зеркале дочкину спину, выражавшую целую гамму эмоций, от упрямства до непокорности.

– Я была лучшего мнения о твоём вкусе на мужчин, – сказала я, втирая крем в шею. Подбородок при этом пришлось задрать, и слова получились чуть сдавленными. – Где ты откопала сей...персонаж?

– Не смей так говорить о Демьяне, – развернулась ко мне дочь.

– Как – так?

– Как о каком-то проходимце!

– Ладно, буду говорить о нём, как о пришельце, – согласилась я. – Тем более что внешность у него самая подходящая. Вы тут с ним что, травку курили?

– Мама, да прекрати же! – Маришка в зеркале в сердцах швырнула на пол подушку. – Ну почему если парень выглядит неординарно, так сразу – наркоман?

– Да потому что глаза мутные и в квартире накурено, не продохнуть. И окурки без фильтра...

– Никакие у него глаза не мутные. Это он на варгане долго играл, возвращался какое-то время. А окурки – от «Беломора», Демьян «Беломор» курит. Извини, что в квартире, но я окна открывала, проветривала...

– Похоже, он все две недели тут так и курил, раз не выветрилось. И всё-таки, где ты это чудо откопала?

– В институте познакомилась.

– Да неужели? – от удивления я прекратила мазать лицо и развернулась к дочери. – Что, сейчас в финансово-кредитном и такие тоже учатся? Лысо-волосатые с серьгами и варганами?

– В финансово-кредитном учатся одни девчонки. А с Демьяном мы познакомились в архитектурно-ландшафтном.

Маринка помолчала и выпалила, решившись:

– Мам, я бросила финансово-кредитный. Я поступила на ландшафтного дизайнера.

– Та-а-ак...

Ещё новости, что за день за такой! Я разглядывала дочкино лицо с решительно закушенной губой.

– Бунт на корабле, значит? Дворцовый переворот? Долго думала, прежде чем решилась?

– Долго. Весь год. Я зимнюю сессию завалила и на подготовительные курсы пошла.

– А мне почему не сказала?

– Потому. Не хотела, чтобы ты меня отговаривала. Потому что мне уже девятнадцать, и я хочу про свою жизнь решать сама.

– Что ещё ты сама решила про свою жизнь? – спросила я, чувствуя, как пульсирует жилка на виске.

– Я... Мы с Демьяном решили жить вместе!

– Здесь? – я обвела взглядом комнату. – В нашей однокомнатной квартире?

– Нет. У него есть комната в коммуналке.

Демьян – жених из коммуналки... Всё. Больше не могу. Слишком много всего для одного дня. Моя дочь собралась жить в коммуналке!

– Марина, да ты в своём уме? Он тебя что, обкурил, задурил, одурманил? Какая коммуналка?! Какой Демьян?! Тебе всего девятнадцать! Тебе о своём будущем думать надо, выучиться, встать на ноги, получить профессию! А ты лезешь в жизнь, в которой ничего не понимаешь!

– А ты понимаешь? – вполголоса спросила дочь, и я поперхнулась собственным криком. – Всю жизнь вкалываешь, как лошадь, живёшь одна, никого не любишь, кроме работы не видишь ничего. Если это называется «встать на ноги», то я не хочу такие ноги. Я крылья хочу, понимаешь? Крылья! Я летать хочу!

– С этим наркоманом? – ни сил, ни аргументов у меня не осталось. – Это не полёт. Это падение.

– Прекрати называть Демьяна наркоманом. Он художник, он талант. Мы уже всё решили.

– Решили, так решили, – сдалась я. Этот парень ей совсем голову задурил. Спорить бесполезно. Сама со временем всё поймёт. Пора взрослеть.

– Налетаешься, приземляйся. Желаю мягкой посадки, дорогая. И помни, что, как правило, такие полёты кончаются залётами. Поберегись!

– Какая же ты всё-таки! – задохнулась от возмущения дочь.

– Какая?

– Ехидная. Как сколопендра!

– Я не ехидная. Я мудрая. Я знаю жизнь.

Глава 2

Переехав рано утром русско-украинскую границу, наш поезд словно вернулся лет на пятнадцать в прошлое. Я хорошо помнила то время – в начале девяностых примерно так в поездах и было. Я тогда как раз развелась со своим мужем-пентюхом и ехала из Пензы в Москву за новой жизнью, оставив в старой Славку, который оказался не каменной стеной, добытчиком и опорой, как мне хотелось-думалось в первые годы нашей жизни, а тем самым чемоданом без ручки, что и нести тяжело, и бросить жалко. Но вот – бросила.

Так уж случилось, что страна, где мы со Славкой выросли и окончили институт, став инженерами, рассыпалась осколками, которые сложились совсем в другую картину мира. И в этом мире мы-инженеры негодились. Нам обоим нужно было заново учиться жить. У меня желания и смелости на учёбу хватило. У Славки – нет. Когда завод, где работали мы оба, закрыли – нашей семье как раз исполнилось пять лет – муж перешёл на диванное существование, целыми днями либо валяясь дома у телевизора, либо шляясь по городу в поисках работы. Работа не находилась, поиски становились все более вялыми, а лежание на диване – всё более основательным.

Пришлось мне, засидевшейся с ребёнком, перехватывать роль добытчика. Я устроилась продавцом к своей бывшей однокурснице – у той-то муж отлично приспособился к новым условиям, мигом развернув челночный бизнес. Трехлетнюю Маришку взяла на воспитание мама – на роль няньки Славка тоже не годился – очень кстати приехавшая навестить нас из Джамбула, который к тому времени уже стал Таразом. Маме с Маришкой там полегче жить было – и зима короче, чем в Пензе, и грядки свои есть, и фрукты.

Отдав дочку, я ринулась зарабатывать нам всем на жизнь. Следующие полтора года семья жила на мои заработки, и я всё ждала, что Славка вот-вот встряхнётся и наконец-то возьмётся за ум. Отойдёт от шока, вспомнит, что мужчина, что ему нужно семью кормить, о дочери заботиться. Я ждала, пока торговала польским шмотьём на городском рынке, пока сама моталась в Польшу, вложив в первую партию товара всё, что было у нас скоплено «на чёрный день». Ждала, когда, распродав и эту партию, и две следующие, поняла, что дело выгодное, и есть смысл им зарабатывать на жизнь. А поняв, предложила Славке встать с дивана и начать мне помогать – хватит уже ему лежать, когда бизнес налаживается! Хватит уже мне разрываться между поездками и контролем за тремя нанятыми продавщицами!

А муж ответил, что не для того учился пять лет в институте на инженера, чтобы с базарными бабами тряпьем трясти. «А для чего ты учился? – спросила я тогда, чувствуя, как немеют скулы и сужаются глаза. – Чтобы сидеть на моей шее? Чтобы за мой счёт на диване лежать?»

И тогда муж, наконец, встал с дивана. И я услышала о себе много нового. Что сама стала базарной бабой, грубой и нахрапистой, что той трепетной и тонко чувствующей девушки, на которой он женился шесть лет назад, уже давно нет. «Хватит на нашу семью одного трепетного! – возмутилась я. – Мне трепетать некогда – кушать по три раза в день хочется, и одеваться, и маме с Маришкой деньги посылать, и за квартиру платить!»

«Это моя квартира! – вдруг выверился Славка. – И пока ты в ней живёшь, не смей меня попрекать куском хлеба!» «Хорошо, не буду», – согласилась я, окончательно холодею сердцем и лицом. И сквозь этот холод отчётливо видя, что вот этот, на диване – чужой мужик, который меня не слышит, не видит, не понимает. Его это, значит, квартира. А я, значит, крутятся и по дому, и по работе, жилплощадь отрабатываю....

Чья это квартира на самом деле мы выясняли на суде. Я подала на развод и на раздел имущества, и в результате жилплощадь, доставшуюся Славке от покойной бабушки, поделили на троих. Я заставила бывшего мужа продать квартиру – точнее, не я, а два серьёзных мальчика, объяснивших ему, что из двухкомнатной квартиры на первом этаже в центре города получится отличный офис. И что две части от этого офиса они уже выкупили, пришли, вот, за третьей.

Мальчиков мне присоветовал всё тот же деловой муж бывшей однокурсницы. Он же дал телефон своего приятеля, который начинал в Москве мебельный бизнес и набирал себе команду. И я, стряхнув прежнюю жизнь, как старую тесную кожу, поняла: это знак. Хватит мне сидеть в душной захолустной Пензе. Пора в столицу, на простор. Хватит идти на поводу у жизни. Пора её делать самой.

О том, какой я сделаю свою новую жизнь, я думала всю дорогу до Москвы, хотя меня и отвлекали всевозможные торговцы – мороженым, носками, календарями, клеем, лейкопластырем, газетами, пирожками. Чего только не тащили тогда через наш плацкартный вагон, назойливо предлагая приобрести! И я всю дорогу не выпускала из рук сумку, где лежали документы – боялась, как бы не спёрли – и постоянно ощупывала карман, где были зашиты жалкие по нынешним временам тысячи долларов, моя и Маришкина части за проданную в Пензе Славкину квартиру.

И вот сегодня, пятнадцать лет спустя, в вагоне украинского поезда витал такой же дух российской вседозволенности начала девяностых. В проходе постоянно шныряли какие-то личности. Тётки в цветастых платях предлагали конфеты Черниговской кондитерской фабрики, соблазняя дешевизной местных цукерок; таскали охапки детского трикотажа, который моментально раскладывали на полках при малейшем проблеске интереса в чьих-либо глазах; трясли связками дорожных сумок, еле пролезая с ними в проходе и задевая пассажиров по головам. То и дело возникали менялы с лживыми глазами и пачками гривен.

В каждом из них я видела жулика, и, как выяснилось на одной из станций, не напрасно. Когда мы вышли из вагона размяться, к Анне подошёл один такой меняла, белобрысый парень лет двадцати пяти. Та, наивная душа, протянула ему тысячу рублей на обмен. Он сунул ей пачку гривен и дал дёру. Как выяснилось, обменял он рублей на двести, остальное украл.

Жаль, что я этого обмена не видела, а то бы вмешалась и предотвратила. Я как раз покупала у бабульки пирожки с капустой и когда вернулась к вагону, всё уже случилось. Анна к потере отнеслась философски – мол, будет ей впредь наука. Хотя раззява, конечно. Ну кто в здравом уме будет связываться с вокзальными проходимцами! Подсунет фальшивку – ищи его потом, доказывай. Или рванёт вот так – лови его, когда стоянка поезда пятнадцать минут. Я с сожалением поставила своей приятельнице мысленный минус – разочаровала маня Анна, разочаровала. Я-то думала, что она более предусмотрительная...

А вообще, если разобраться, я ведь в этой нашей компании никого не знаю. Никого. Разве что имена успела запомнить и не путаться. Кроме нас с Анной, сорокалетних тёток, в

компании была молодёжь до тридцати лет: Таня, Оля, Соня, Олег. И проводник-организатор Арсений, серьёзный молчаливый мужик лет примерно пятидесяти. И я всё ещё разбиралась, кто из них что собой представляет.

Анна. С этой более-менее понятно. Женщина-птица, летает в эмпиреях. Ну, в небесах, то есть. Эта полётность меня в ней и привлекла, когда мы познакомились на занятиях йогой. Этим делом, йогой то есть, я уже три года занимаюсь – вместо гимнастики, чтобы тело в форме держать и напряжение, которое за день на работе накопила, сбрасывать. Йогу я выбрала, потому что не девочка уже козой на фитнесе скакать. Первые полтора года я занималась в зале возле дома, а потом перешла в новый клуб, который открылся возле офиса. Там и познакомилась с Анной, и почти как-то сразу с ней сошлась – она понравилась мне своим простым отношением к жизни и своей нефальшивостью (Ненавижу эти бабские кривые улыбочки! Потому и не дружу ни с кем). Выглядела Анна потрясающе – я просто ахнула, когда узнала, что мы ровесницы. Уж если мне давали года на три меньше моих сорока двух, то Анне на вид было едва за тридцать. И при этом в ней ни на грамм не было желания соперничать, которое вечно лезло из баб, с которыми приходилось сталкиваться по жизни и по работе.

Казалось, что Анна знает какую-то тайну, какой-то секрет, который выводит её из круга злобных стареющих тёток. И мне так захотелось узнать этот секрет, и обрести такую же лёгкость походки, ясность взгляда, светлость лица! А тайна оказалась проста: у Анны было всё в порядке с личной жизнью.

Н-да, эти секреты не для меня. Конечно, отчего бы не жить легко при любящем муже и двух сыновьях, когда мужички – старший сын, вон, взрослый совсем, – всё преподносят ей на блюдечке с каёмочкой. Сама видела, как они её на машине после занятий встречали – как самую главную женщину в своей жизни. Муж, симпатичный, надо признать, обнял и дверцу открыл, младший сын повис на матери, старший сумку перехватил и отнёс в багажник... За мною бы так сразу трое мужчин ухаживали – тоже бы летала. А при моей жизни, когда нос всё время держишь по ветру, а ухо – востро, особо не полетаешь. Чуть своё упустишь – мигом пролетишь! Зубами приходится за жизнь держаться, когтями выцарапывать. Всё, чего добилась в своей жизни – всё сама!

И всё равно рядом с Анной было хорошо и спокойно, мне нравилось с ней общаться. Ну и вот, общаюсь теперь.

На окраину Феодосии поезд прибыл в восемь вечера. Нашу группу, восемь человек, на станции встречал худощавый мужчина с приятным лицом:

– Арсений? Я Сергей, водитель.

– Здравствуйте, показывайте, куда идти, – кивнул Арсений.

«Ну вот, хотя бы с этим всё нормально», – подумала я.

С тем, что нас могут не встретить на вокзале, я уже успела смириться. Арсений в поезде вслух прикидывал вариант, как действовать, если не встретят: поедет до Курортного на автобусе, благо, станция как раз напротив вокзала. Смирилась я и с тем, что там, куда мы направляемся, проблемы с водой и нужно на себе тащить две двухлитровые бутылки. Приняла к сведению, что и дрова там тоже в дефиците, да и на жаре не есть очень-то хочется, поэтому варить мы ничего не будем, только чай кипятить. Поэтому все взяли с собой сухой паёк, который можно разводить кипятком.

– Вот сюда, – водитель подошёл к белому микроавтобусу, стоявшему у ограды.

– Арсений, мне нужно деньги поменять, – напомнила Анна, указывая на окошко обменного пункта, расположившегося сразу за оградой.

– А нам воды купить! И шоколада! – попросила Соня, уцепившись за Олега. Тот серьёзно кивнул.

– Ладно, только быстро, – вздохнул Арсений, снимая свой рюкзак и закидывая его в конец салона. – Нам ещё час до Курортного ехать, а потом до Лисьей бухты идти.

Про то, что нам предстоит начать с ночного перехода по берегу моря, я тоже узнала уже в поезде. Приняла к сведению и это – а чего уж тут, раньше надо было пугаться, когда в поход этот собиралась идти. А теперь надо принимать всё как данность, с которой предстоит справиться.

Анна меняла рубли на гривны минут десять. Соня с Олегом покупали свой шоколад дольше, и когда они вернулись к автобусу, я ждала от Арсения нотаций. Будь я тут старшей, непременно бы их отчитала – никакой ответственности, все ждут, а они прогуливаются! Но Арсений ничего не сказал, только глянул строго, велел рассаживаться, и я заняла место рядом с водителем.

Автобусик, порывав по разбитой бетонке окраинных улочек меж увитых зеленью заборов, вскоре выбрался из города на более-менее ровную дорогу и заспешил навстречу закату – небо впереди уже наливалось розовой темнотой. «Да, это вам не Барселона», – я глядела на закат и мелькающие у обочин деревья. Скорее уж напоминает мои челночные поездки в Польшу пятнадцатилетней давности, когда мы с девочками из экономии сидели в гостинице на чае и китайской лапше, которую заваривали кипятком.

Может, поэтому я в этот поход и рванула? Молодость захотела вспомнить, с её живостью и неустроенностью? Страхнуть захотела с себя всю эту броню бизнес-леди, в которой я живу последние годы и сражаюсь, как какой-нибудь Ланселот? А заодно и всю ту паутину, что вдруг стала налипать на меня слишком стремительно? Я откинулась в кресле, вспоминая.

Маришка ушла к своему Демьяну в тот же день, как я их застучала. Покидала вещички в сумку и – ходу. Я не стала её удерживать, хотя очень хотелось. Поняла по решительному лицу дочери, в котором с удивлением обнаружила отражение собственной непреклонности, что сейчас девочку лучше не трогать. Ладно, пусть. Пусть идёт, живёт, пробует. Обожжётся – вернётся, умнее будет. Пора ей уже взрослеть.

И всё-таки неожиданная решимость и поступки как-то незаметно выросшей дочери, которая за следующие два дня так ни разу и не позвонила матери (И мои звонки сбрасывала, поганка такая!) сказались. К понедельнику я растеряла свой боевой настрой и горячее желание прищучить наглого выскочку Бубенко. Я решила пока не нападать, а посмотреть, что будет дальше. В конце концов, не мои деньги транжирит, а компании. Хочет генеральный директор Лебедев вкладывать средства в такую рекламу – его проблемы. А проблемы обязательно начнутся, нужно только подождать развития событий.

События долго ждать не заставили. Уже в понедельник Бубенко принёс в клюве заказ на партию мебели. Той самой, кожаной, которую девица с задранными ногами рекламировала.

Восемь кресел, три простых дивана, два угловых, всё на оч-чень большую сумму. И Ниночка засияла победно, и ходила мимо меня, задрав нос. Да бог с ней, с Ниночкой – не велика фигура, я пережила бы. Тем более выяснилось, что мебель у нас закупили с откатом – солидный как нужно было вернуть заказчику, какому-то знакомому Бубенко, наличными, и теперь наш главный бухгалтер ломала голову, как провести эту сумму и спрятать концы.

Узнав об этом, я успокоилась: подумаешь, Бубенко у приятелей заказ раздобыл. На личных контактах и откатах оборот не сделаешь, это и ежу понятно.

Однако ежу было понятно, а Лебедеву, нашему генеральному, нет.

– Любовь Сергеевна, – сказал он на дневном совещании, – с этого дня у нас небольшие рокировки в субординации. Прошу вас осеннюю рекламную кампанию согласовать с Дмитрием Владимировичем!

– Согласовать? – я не поверила своим ушам. – Что именно согласовать? Концепцию?

– Всё. От концепции до исполнителей и рекламных носителей, – нагло блеснул улыбкой Бубенко.

– Сергей Михайлович, я не понимаю, что происходит? – отвернулась я от Бубенко, подчёркнуто обращаясь только к генеральному. – Я перехожу в подчинение директору по развитию?

– Ну, если хотите, можем это назвать и так, – согласился тот. – Ничего личного, Любовь Сергеевна, сугубо в интересах бизнеса.

К Бубенко согласовывать концепцию я отправила Ниночку, а сама, вернувшись в свой кабинет, бездумно застыла перед погасшим монитором компьютера. Так, похоже, переиграл меня этот проходимец. Пристроил без меня рекламу к одним своим друзьям. Притащил с заказом других дружков. И сразу двух зайцев ухлопал. Нет, трёх. Во-первых, денежку положил в нужные кармашки: себе – откат с рекламы, друзьям – откат с заказа. (А боссам-то и невдомёк, как их менеджеры за счёт компании разживаются!) Во-вторых, замазал глаза шефу, который теперь уверен, что Бубенко – гений продаж, и пойдя, докажи ему обратное. И про откат не поверит, и про то, что разовые заказы ничего не решают слушать не станет. Подумает, что это я от злости так говорю. От зависти.

Да и меня Бубенко сделал легко и непринуждённо. Прихлопнул третьим зайцем. Всю рекламу ведь теперь перепортил! Порассует по дружкам, будет откаты собирать. И что мне теперь, спорить с ним за каждое своё решение? Обосновывать, куда, что и почему я ставлю? Кивать покорно, когда он начнёт протаскивать пошлятину и лоббировать своих «откатных» приятелей?

Может, дать ответный бой и открыть шефу глаза, чтобы увидел, кого по собственной дурусти пригрел на своей груди? Я представила себе это ристалище, и меня затошнило. Нет, нет, и нет. И Бубенко вполне может очередную гадость подстроить, и шеф мне не поверит, пока этот наглец не проколется. Будет думать, что я на этого гения-афериста по злобе наговариваю. Как же они мне надоели, сил больше нет! Уволиться, что ли?

Мне так захотелось отделаться от всего этого, что я вытащила из принтера чистый листок, написала на нём несколько решительных строк и понесла в кабинет к генеральному:

– Сергей Михайлович, у меня вот что. Отпустите?

– Как-то вы с этим, неожиданно... – пожевал тот губами, читая заявление.

– Ну а что, – сказала я. – Филиал мы запустили, я там уже не нужна. Здесь тоже, вижу, без меня хорошо справляются. Пускай Нина с Дмитрием Владимировичем концепцию доводят до нужных компании кондиций. Отпустите, Сергей Михайлович, устала я.

– Ну ладно, – согласился шеф, что-то прикинув в уме и, видимо, приняв мои доводы. – Только за два года я вам отпуск не дам. Погуляйте до конца сентября, а потом к выставке надо будет готовиться.

Из офиса я ушла со смешанным чувством досады и облегчения. Досады, потому что шеф не стал меня уговаривать, как бы соглашаясь, что сейчас я в компании лишняя. Облегчения, что хотя бы на три недели ухажу от дурацкой возни, которая вдруг затеялась вокруг меня. Пусть сами возятся и играют в свои игры. Глядишь, и доиграются. А тут и я вернусь со свежими силами разгрести их завалы. Поклоняетесь мне ещё, все поклоняется, и Маришка, и Лебедев!

События последних дней меня так подкосили, что даже на йоге, куда я пошла сразу после работы, мне не удалось расслабиться. Половина асан не сложилась, полностью уйти в тело не получалось – мешали то и дело всплывавшие мысли типа «Ну какая всё же сволочь Бубенко! И какой кретин Лебедев. И Маришка, зараза, не звонит. Хоть бы поинтересовалась, как матери без неё живётся!»

– Люба, что с тобой сегодня? – спросила Анна, когда мы переодевались после занятий. – Ты всё время была не здесь.

– Да как-то закрутилось всё водоворотом, – поморщилась я. – Так надоело всё! Мужики – хищники, девчонки – заразы неблагодарные. Так и бросила бы всё к такой-то матери и ушла на край света, чтобы не видеть и не слышать никого!

– Край света, говоришь? – улыбнулась Анна. – Караул-Оба устроит?

– А где это? – заинтересовалась я.

– В Крыму. Мы с ребятами в поход идём на десять дней. Хочешь с нами?

– С ребятами? С твоими мужичками?

– Нет, мужички дома остаются. Андрей собирался идти, но ногу потянул, какой ему теперь поход, пусть с Данькой сидит. А Пашка со своей компанией в Абхазию едет. Я с другими ребятами иду, с Арсением. С ним интересно. Пойдём?

– Ты знаешь, звучит заманчиво, – предложение мне определённо нравилось. – Я никогда не была в Крыму. Только какая из меня походница – ни рюкзака, ни спальника, и вообще – я тот ещё ходок.

– Я тебе Андриюшкин спальник дам, и рюкзак тоже. И ходить там не очень много – мы будем в двух местах лагерем стоять по нескольку дней. Арсений сказал, что это будет созерцательная вылазка. Такой, знаешь, бросок в самопознание.

– Интересно..., – идея выбраться в Крым с рюкзаком и в незнакомой компании захватывала всё больше. – Там сейчас тепло, наверное...

– Наверное. Я сама ни разу в Крыму в эту пору не была. Арсений говорит, что сейчас там людей немного, никто не будет мешать заниматься.

– Заниматься чем?

– Медитациями. Очищением. У нас там будет что-то типа психологического тренинга – станем убирать помехи, которые осложняют нам жизнь.

Слова насчёт помех неожиданно отозвались в груди – сердце как-то стиснулось и ворохнулось.

– По-моему, это то, что мне сейчас нужно, – решила я, прислушиваясь к этому ворохтанию. – Именно так: послать к чертям всё, что осложняет мне жизнь. Когда выезжаем?

Автобус подпрыгнул на ухабе, возвращая меня в настоящее. Прошло минут сорок пути, и мы уже въезжали в посёлок с названием «Курортное» – именно так было написано на придорожном указателе. Тем временем тьма воцарилась окончательно, целиком заполнив законное пространство. По мере сил темноту разгоняли лампочки, подвешенные у ворот увитых зеленью домишек, которые начались почти сразу за указателем. Посёлок был преимущественно одноэтажным, но низкорослость домов с лихвой восполнялась крутизной улиц. По одной такой, выложенной бетонными плитами, автобусик взобрался наверх, подпрыгивая на стыках. По второй спустился к пляжу и остановился на песке. Приехали.

Все выбрались наружу, вытащили рюкзаки. Море плескалось неподалёку тёмной массой. Напротив моря мерцал огнями посёлок. Возле бетонного откоса между пляжем и ближайшим домиком грудились собранные в кучу столики, видимо, днём здесь работало летнее кафе. Сейчас же от пляжа веяло заброшенностью и одиночеством. «Вернуться, что ли?» – подумалось с вдруг кольнувшей тоской, и я почти с паникой посмотрела вслед уехавшему автобусу. А Арсений скомандовал, надевая рюкзак:

– Пошли!

Сразу пойти у меня не получилось – завозилась с ремнями-лямками, в которые уже вроде приноровилась влезать, но – пристроив рюкзак на подходящей по высоте поверхности. А вот так, с песка, он никак не надевался. Я пыхтела, чувствуя себя неожиданно беспомощной – ну как же, не могу справиться сама! И тут ко мне молча подошёл мальчик Олег, поднял рюкзак, подождал, пока я продену в лямки плечи. Принимать его помощь было неожиданно приятно. Его подруга Соня тоже топталась рядом, дожидаясь нас обоих. Дождалась, и мы втроём пропустили догонять остальных, которые уже шли параллельно морю, погружаясь в сгустившуюся до черноты темноту.

Глава 3

Я почему-то ждала, что вот мы отойдём от посёлка километров на несколько, и берег станет необитаемым. Я ждала этой необитаемости, досадуя на фонари каких-то сараев и стоянок, то и дело попадавшихся нам в первые минут пятнадцать ходьбы: после слепящих ламп, заливающих светом трёхметровые объёмы пространства, глаза напрочь отказывались различать что-либо в темноте, непроницаемо облеплявшую нас сразу после границы очередного освещённого «оазиса». И после каждой такой стоянки – а их попало с десятков – я шла практически на ощупь, прислушиваясь к шагам идущей впереди Сони и вытаскивая подошвы кроссовок, вязнущие в песке пляжа. С каждым шагом рюкзак, который кроме нескольких моих футболок, штанов, спальника и куртки оттягивался четырьмя литрами воды и тентом от поделённой на троих палатки, становился всё тяжелее, лямки давили на плечи всё сильнее.

Через какое-то время песок кончился – пляж уперся в обрывистый берег в мой рост высотой. Арсений постоял немного, исследуя препятствие, а потом полез наверх, цепляясь руками и ставя ноги в одному ему видимые ямки.

– Забирайтесь! – скомандовал он, стоя наверху.

Следом за ним по склону взобралась Оля, которую Арсений перехватил за протянутую руку и легко втащил наверх. Я пошла следующей. Ощупала почти отвесную стену, нашла ямки руками, нашарила ногой и полезла. Однако мне удалось сделать всего пару движений – рука не дотянулась до руки, протянутой Арсением, нога, не найдя очередной ямки, заскользила вниз, и я сползла по склону, чувствуя, как проклятый рюкзак заваливается набок, кофта задирается кверху, а сухая глина обдирает кожу на животе.

– Ты чего? – всполошилась Анна

– Скользко... Подошвы не держат... Круто очень, – прошипела я, чувствуя себя неуклюжей коровой. Ободранный живот саднило.

– А давайте вот здесь попробуем! – предложила Соня и взяла чуть левее. – Здесь что-то вроде тропки, поднимайтесь! Олег, давай, ты первым, и руку подашь.

Олег молча взобрался наверх, за ним полезла Соня, потом Таня, потом Анна. И теперь все они стояли на верху тёмными силуэтами на фоне чуть менее тёмного неба. Как у них ловко получается! А я – корова-коровой!

– Люба, давай! – подбодрила Анна, и я, стиснув зубы, опять полезла на штурм откоса, цепляясь руками, ногами и всей своей злостью к ситуации, которая заставила меня выглядеть смешной.

Руку мне протянул не Олег, а Арсений, выдернув, как репку – я буквально упала на колени, чувствуя, как съезжает на затылок проклятый рюкзак. «Ну точно – корова!», – стоя на коленях с рюкзаком на загривке я нравилась себе всё меньше и меньше. Как они все, наверное, веселятся по поводу моей дурацкой неуклюжести!

Я встала с колен, поправляя рюкзак. Веселиться никто и не думал – народ, насколько я смогла угадать в потёмках, уже вытягивался на тропке в цепочку по одному. По плотной глинистой тропе идти стало легче – ноги уже не увязали. И в то же время – страшнее. Тропа была утыкана камнями, и, споткнувшись пару раз, я стала ступать осторожнее. Откуда-то вдруг

появился страх, что я непременно оступлюсь и подверну ногу. И тогда их поход накроется медным тазом. Из-за меня накроется. Из-за моей неловкости.

Тропка, чуть более светлая, чем остальная поверхность, угадывалась хорошо – глаза привыкли к темноте. Однако я так боялась рухнуть, чего-нибудь себе подвернуть и испортить всем жизнь, что изо всех сил таращилась в темноту, разглядывая дорогу.

Вскоре перед глазами зарыбили мелкие «мухи», как на экране телевизора с неуверенным приёмом.

– У меня какая-то рябь перед глазами...

– Это от перенапряжения, расслабься, – посоветовал Арсений. Он уже спускался с тропы опять на песок пляжа. Спуск был гораздо более пологим, чем подъём, и это радовало. Впрочем, радовалась я недолго – вскоре наша группа набрела на очередной «оазис». На этот раз пятна света выхватывали какие-то стены и серые тряпки, занавесившие проход.

Мы остановились, соображая, куда идти. Под ноги кинулась мелкая рыжая собачонка и залилась визгливым лаем. Арсений молча подался влево, ближе к морю, мы потянулись за ним и опять остановились, на этот раз возле характерно пованивающей ложбинки. Чтобы попасть на песчаный пляж, нужно было форсировать это стихийное отхожее место.

«Это уже слишком!» – мысленно возмутилась я, досадуя, что после таких приключений и такого перехода – лезла куда-то, живот ободрала, ногу чуть не подвернула – мы опять вышли к столь недвусмысленным признакам обжитой территории. Но тут и Арсений сообразил, что к чему:

– Так, что-то куда-то мы не туда... Возвращаемся к фонарям.

Возле фонарей нас встречали толстый мордастый мужик в белой поварской куртке и всё та же рыжая собачонка.

– Где тут тропа, не подскажете? – вежливо спросил Арсений.
Мужик, пересчитал нас взглядом:

– Туристы, что ли? Суда ходы!

Он откинул тряпку и открыл проход между двумя рядами врытых в землю столиков. Сверху над столиками был натянут тент, справа, у крутого берега, расположилось что-то вроде стойки бара с бутылками воды, банками пива и яркими упаковками всяческих чипсов-орешков-сухаришков. За стойкой хозяйничала пара полуголых подростков, смуглых, чернявых, развязных.

– Эй, откуда идешь? – крикнул один из них с сильным акцентом.

– Из Москвы, – спокойно ответил Арсений, не сбавляя хода.

– Эй, Москва, иды сюда, пиво пить будем! – встрял второй, и я не выдержала:

– Мы не пьем пива! «Эй» будешь маме своей говорить, понял? Устроили тут харчевню, тропу перегородили!

– Тихо, ты что! – одёрнула меня Анна. – Зачем скандалишь? Они же выпившие!

– И что с того, что выпившие? – я сбавила тон, но возмущаться не перестала. – Значит, можно нас как сквозь строй пропускать? Сидят, рожи наглые, задираются!

– Люба, успокойся, – негромко вмешался Арсений. – Меньше обращай на них внимания. Они ведь нам не мешают. Зачем напрашиваться на скандал?

Я фыркнула и замолчала. Действительно, что это я? Хотя наглые щенки, наглые, лет по шестнадцать ведь, не больше!

Пацанята в таком возрасте мне с избытком в Анталье попадались в отельной службе. Но те голос особо не подавали – улыбались только и молча работали. Вышколенные были ребятки, попробовали бы так вякнуть на туристов – мигом бы с работы вылетели. А эти – дикие совсем, дети природы.

– Наглые, управы на них нету, – высказалась я, остывая.

– Нету, – согласился Арсений. – Они тут потихоньку землю у моря обживают и даже местная власть ничего с ними сделать не может. Люба, скажи, а ты всегда нападаешь, когда тебе что-то не нравится? Или иногда пробуешь договориться?

«Договариваться ещё... со всякими!» – мысленно дёрнулась я, и молча пожала плечами.

После «самостийного» кафе тропа недолго оставалась твёрдой. Совсем скоро крутой берег отступил вправо, и ноги опять нащупали зыбкий песок. А я окончательно рассталась с надеждой на дикие места – пляж был заселён, и очень густо. Нам то и дело попадались палатки, распаленные между крупных валунов. Кое-где эти тряпочные домики окружали стихийные дворики – выложенные мелкими голышами площадки. Голыши были белыми и хорошо заметными при свете взошедшей почти полной луны, и мы ступали между ними, обходя очередное обиталище. Обитатели этих палаток не спали – наша группа прошла мимо звуков гитары, мимо музыки из проигрывателя, мимо экзотических барабанных ритмов. На барабанах играли в сборище странных людей, которые делали что-то загадочное с факелами, рисуя в ночи огненные круги, сходясь и расходясь в выложенном голышами пространстве, по краям которого сидели полуголые зрители.

Мы прошли мимо представления, выйдя на двоих «стражников»: то ли обкуренных, то ли податых кудлатых парней, один – в бороде и бандане, второй – в круглых очках и бейсболке, из-под которой свисали длинные пряди волос. Парни сидели по краям тропы. Когда я с ними поравнялась, очкастый сказал:

– Хоп!

Он сделал паузу, будто ожидая отзыва и махнул рукой,

– И это не наша. Хоп! – это уже с ними поравнялась Анна.

– Что за хмыри? – спросила я в полголоса и морщась – от всей этой тусовки очень уж повеяло Маришкиным Демьяном. – Какое-то сборище наркоманов!

– Да, здесь, в Лисьей бухте, всякого народа хватает, – услышал меня Арсений. – Люди с природой сливаются. А главное, никто никому не мешает. Эй, народ, предлагаю окунуться в море!

Народ согласно сгрудился вокруг Арсения, побросав рюкзаки и начав разоблачаться. К моему изумлению – до нага. Впрочем, нагота в ночной тьме выглядела вполне безобидно и я, цыкнув на собственную зажатость, стянула кофту, скинула кроссовки, закатала штанины и пошла к морю. Вода была парной. Но желания раздеться и нырнуть у меня не появилось, и даже пример остальных, погружившихся в тёплое море целиком, не подстегнул. Во-первых, плаваю я чисто условно, во-вторых ночное купание пугало, в третьих раздеваться до гола, даже в потёмках... Нет уж, вот прополощу царапины на пузе, и хватит с меня. Царапины защищало от солёной воды. Народ выкупался, оделся, разобрал рюкзаки, и мы пошли дальше.

А потом меня заклинило. Луна спряталась, и глаза, уставшие вглядываться в темноту, вдруг забастовали и разом отказались видеть что-либо. И я чуть не свалилась на очередную палатку, споткнувшись о валун – спокойный мужской голос изнутри посоветовал принять правее. Потом оступилась-таки на опять ставшей плотной тропе, неловко наступив на камень и потянув щиколотку. А когда Арсений привёл нас к очередной «козьей» тропе и пошёл по склону вверх, я вдруг впала в дикий, просто животный ужас, всем телом чувствуя, что в темноте слева – пропасть, и стоит мне сделать хоть одно неловкое движение...

Неловкими стали все движения. Да и рюкзак опять начал свой самостоятельный танец, ёрзая на спине и постоянно смещая центр тяжести влево, в сторону невидимой, но от того не менее ужасной пустоты. И тогда я наплевала на остатки гордости и полезла в горку на четвереньках, цепляясь за грунт всеми конечностями.

Тропа закончилась на плоской площадке.

– Мы пришли? – прохрипела я, чувствуя, что резерв моей выносливости – на нуле.

– Почти, – сказал Арсений. – Все тут? Ещё чуть по склону – и мы на месте.

Чуть по склону я вползла буквально на остатках самолюбия. Тропа была не страшной, широкой и основательной, но ноги уже отказывались работать. Когда я докарабкалась, все остальные уже сбросили рюкзаки и ждали меня на краю каких-то низкорослых зарослей, видных тёмными силуэтами на фоне чуть более светлого неба.

– Уф, – я сбросила рюкзак и уселась прямо на тёплую землю, не в силах больше сделать ни шага.

– Ты рано уселась, – сказал Арсений. – Нам нужно пройти чуть дальше и поставить палатки... Хотя ладно, сиди, сначала место найдём. У кого есть фонарики?

– У меня есть, – я нашарила фонарь в кармане рюкзака. Свои фонари нашлись у Оли и Олега, и народ, подсвечивая себе под ноги жидкими лучиками, отправился на разведку. Я же легла прямо на землю и уставилась в звёздное небо. Звёзды были крупными и немного покачивались.

– Ты зря легла, – наткнулся на меня Арсений чуть погодя, – тут живность всякая водится.

– Змеи, что ли? – вяло поинтересовалась я, садясь. Я так устала, что мне было всё равно.

– Нет, змей тут нет. Ладно, бери свой рюкзак, пошли.

Сам он взял два рюкзака, народ, появившийся из темноты, расхватал свою поклажу, и все пошли на свет фонарика, которым, как звездой во лбу, светила Оля. Как ни странно, но у меня ещё нашлись силы разобраться, как поставить палатку (не очень сложно, как оказалось, если бы не потёмки), расстелить спальник, втащить рюкзак (Арсений припугнул, что если оставить его снаружи, может пропасть что-нибудь). Устроившись кое-как, упираясь ногами в кучу из трёх рюкзаков, а плечами – в бока соседок, я, наконец, провалилась в долгожданный спасительный сон.

Спала я некрепко и тревожно, мне снились какие-то переезды, беготня, хлопоты. А под утро приснилось, что я только что приехала в Москву и ищу свой новый дом. И всё никак не могу найти, таскаясь по знакомым улицам, которые вдруг делаются другими, изгибаются непривычными углами и подсовывают незнакомые тупики. Даже вынырнув из сна, я какое-то время вспоминала куда же мне нужно было свернуть, вправо или влево. И только открыв глаза и увидев зеленоватый свет, пробивавшийся снаружи сквозь палаточные стенки, я вспомнила, где я. И, крихтя, принялась выбираться наружу, перелезая через соседку. Всё тело болело неимоверно: ломило плечи, шею, икры, поясницу. И хотелось поскорее выбраться на простор, чтобы расправить уже эти свои части, затекшие от неудобной ночёвки в тесноте и на твёрдой земле.

Место, где мы остановились лагерем, оказалось милым: рощица из молоденьких сосенок, высаженных рядами. Две палатки, наша и Арсения, стояли рядышком. Олег и Соня свой ярко-оранжевый домик собрали поодаль, по диагонали от нас, на другой стороне полянки со следами старого кострища.

Я потянулась, расправляя ноющее от вчерашних событий тело, и отправилась осматривать окрестности. Первым делом я вышла к обрывистому краю – оказывается, мы остановились на своеобразном плато. Почти сразу за нашей рощицей начинался глубокий овраг и его склоны, шедшие ровными террасами, тоже были засажены молодыми соснами. За оврагом изгибался берег моря, в его ближайшей излучине возвышался сказочный город с крепостными стенами и персидским дворцом с башнями, куполами и арками. «Отель там, что ли, какой-нибудь?» – я всматривалась, пытаюсь угадать.

Вдруг вспомнился сон, как металась по улицам и тупикам. А ведь примерно так у меня в Москве поначалу и получилось...

Я приехала тогда из Пензы, имея чёткий план дальнейших действий: устроюсь на работу к этому мебельному дельцу, куплю подходящее жильё, заберу Маришку. Я была уверена, что всё у меня получится: развернусь, взлечу, сделаю себе жизнь, какую хочется! Но столица в момент откорректировала мои планы.

Знакомец мужа одноклассницы, когда я его, наконец, отыскала, предварительно изведя горсть жетонов в телефоне-автомате (и как мы обходились без мобильных?) и выпросив у ответившей женщины, где можно найти директора фирмы «Искандер», совсем не обрадовался моему появлению. За ту неделю, что я с ним созвонилась из Пензы, собралась в дорогу и добралась, на дельца успела наехать собственная «крыша». То ли они ему оброк увеличили, а он не согласился, то ли по старым договорённостям не заплатил – подробностей я так и не узнала.

Но на пепелище, оставшимся на месте недавнего цеха по изготовлению диванов (а точнее – на месте спаренных гаражей на задворках окраинного гаражного кооператива), полюбовалась. «И... куда мне теперь?» – спросила я тогда своего несостоявшегося работодателя. «Не знаю», – пожал плечами тот. – Ты где остановилась-то?» «Пока нигде... Сниму что-нибудь, вон объявлений сколько, что квартиры сдают.» «На столбах, что ли? Ты им не верь. Жулики. Хотя все они тут в Москве жулики... Газету купи, там поищи. И не плати вперёд, пока не поселишься. Поняла?» Я кивнула, благодарная хотя бы за эти советы, и он отвернулся, продолжив перебирать обгоревшие останки своего бизнеса, складывая в кучку какие-то закопчённые железки.

Обратно к остановке метро я шла, пытаюсь справиться с паникой, застрявшей комом в горле. Мужчины! Никакой на них надежды! И этот – зазвал, пообещал работу, я сорвалась, всё бросила, ребёнка оставила! А он! А он бросил меня на произвол судьбы в этом огромном и чужом городе.

Нюнилась я недолго. Увидев киоск с газетами, тут же словно очнулась. Прикрикнула на себя строго: «А кто обещал, что будет легко?», – и купила то, что посоветовала киоскёрша: «Вот эту газету возьмите, сегодняшняя. Там очень много комнат сдают». Рука у тётки оказалась лёгкой. Запасаясь у неё же очередной горстью жетонов для телефона-автомата, я с четвёртого звонка попала на ещё не сданную и недорогую комнату поблизости от метро, договорилась с агентом и вскоре уже осматривала запущенную неопрятную комнатуху у Первомайской. Соседкой и владелицей квартиры была глуховатая бабка. Она показалась мне вполне безобидной, комната – приемлемой, всё равно я в ней собиралась пожить месяца два-три, пока не куплю себе что-нибудь. Цена за комнату тоже устроила – судя по объявлениям в газете, дешевле в Москве не сдавали. Жалко было только агенту платить комиссионные, но с этим пришлось смириться.

В квартире у глуховатой и, как очень скоро выяснилось, маловменяемой бабы Мани я прожила почти два года. Так уж сложилось. Выяснилось, что на те деньги, что я привезла из Пензы, в Москве и комнаты не купить. Можно было попробовать купить комнату в Подмоскowie, но к тому времени я поняла, что жизнь в коммуналке – не для меня. Баба Маня, оставлявшая серые вонючие мыльные хлопья в ванной и то и дело забывающая смывать унитаз демонстрировала все прелести подобного соседства. И это она ещё тихая старушка, а если какие-нибудь скандальные соседи попадутся? Нет уж. И на исходе первого месяца жизни в Москве я составила новый план: устраиваюсь на денежную работу, собираю разницу и покупает однокомнатную квартиру.

Из всех денежных, существующих в столице работ, меня, иногороднюю, взяли только на две: в продавцы овощей на базаре и администратором в сауну. Продавцом я устроилась самостоятельно, проработала два месяца и ушла, когда мне совсем уже опротивело обвешивать покупателей и выдавать на выпивку участковому и рыночным охранникам. А иначе здесь, в Москве торговать не получалось. Без обвешиваний выручка была смехотворной, да ещё и недостачи по весу откуда-то вылезали (я подозревала, что хозяин Рафаил, в просторечии Рафик, мне самой товар выдавал с недовесом, но ничего доказать не могла). Без подмазывания участкового и охранников у меня были все шансы попасть под проверку какой-нибудь санитарной или торговой инспекции со всеми сопутствующими актами и протоколами. Им же нужно ловить кого-нибудь для отчётности... Обычно ловили новеньких, кто не смог договориться.

В общем мне, вроде бы знакомой с торговлей по пензенскому рынку, московский беспредел вскоре опротивел до тошноты. Денег таких уж больших эта работа не давала, нерво-

трёпка одна. Да и торчать за прилавком приходилось по десять часов и без выходных. Поэтому когда мне подвернулась вторая работа, администратором в сауне, сутки работаешь, трое дома, я думала недолго. Да и соседка по площадке Лизавета, сватая это место, очень уж нахваливала мне «счастливую возможность».

Лизавета приехала в Москву из Краснодара, вместе с дочерью снимала соседнюю однокомнатную квартиру, и мы довольно быстро с ней подружились – сначала здоровались в подъезде, а потом она стала подходить ко мне на рынке за овощами. Отпускала я ей по-соседски, без обвеса.

«Любка, даже не думай, такие места просто так не достаются, – говорила мне Лизавета, «сватая» банную вакансию. – Знаешь, какие деньжищи Светка там огребала!»

– Какие?

– Да с чаевыми за тысячу долларов в месяц иной раз выходит! Я бы сама пошла, да им молодые нужны, до тридцати!

– Эй, а там не это, не бордель?, – насторожилась я. Тогда, в середине девяностых тысяча долларов в месяц была просто фантастической суммой.

– Да ну, какой там бордель, – отмахнулась Лизавета. – Ну, приезжают люди расслабиться после работы. Так никто же тебя не заставляет их в этом смысле обслуживать – они со своими девками приезжают.

– А Светка тогда почему уходит? – всё ещё не верила я.

– Из-за Вадика, – вздохнула Лизавета. – Ревнует он. Говорит, что пусть она лучше в институт поступает и курьером работать идёт. А он будет нам деньгами помогать. Же-е-них!

В Лизаветином «же-ених» были одновременно и досада, и восхищение. А я подумала тогда, что опять мужская глупость вмешивается в женские дела и всё портит. Хотя, это Светке портит. А мне, получается, наоборот шанс даёт заработать.

Сауна, оборудованная с разухабистым шиком, располагалась в одном из подвалов в Измайлове. Я даже не предполагала, что такое можно назвать баней: большой холл с неглубоким бассейном и встроенной в пол круглой пузырящейся ванной (так я впервые увидела джакузи). В одном углу – столик с лавками и телевизор. Во втором – пара кресел под пушистой искусственной пальмой. Чуть поодаль – двери в бильярдную, две спальни с широкими кроватями и бар со столиками и стойкой, уставленной пёстрыми бутылками с алкоголем. Собственно сауна занимала в этом интерьере немного места, меньше чем каждая из спален. И сделана была как-то странно: вход, длинная полка вдоль одной стены, короткая напротив входа, третья стена – тонированное стекло, сквозь которое виден бассейн. Возле стекла – что-то вроде жаровни с горячими камнями, поставленной как-то так, что ничего не стоило оступить и сесть на эти камни голой задницей.

Впрочем, за почти два года моей работы на камни уселся только один человек, Николай.

Они гуляли шумной компанией, шестеро мужчин, трое женщин. Гуляли широко, то ли сделку какую-то праздновали, то ли чей-то день рождения. Я тогда не поняла, да мне и не важно было. Артур, хозяин заведения, в первый же день, придирчиво осмотрев меня при приёме и одобрительно кивнув на Светкины слова «Вот, подружку привела. Между прочим, с высшим образованием!», сказал: «Годишься. Но учти, будешь любопытничать – долго здесь не просидишь, выгоню. Знаешь пословицу «меньше знаешь, крепче спишь»? Вот. И больше заработаешь».

Я и не любопытничала, работала себе, исправно собирая действительно внушительные чаевые. Но волей-неволей замечала и запоминала многое. Заметила распальцовку четверых квадратных мужчин с бритыми затылками, завсегдатаев, которых обычно принимал сам Артур, а я была на подхвате, каждый раз дивясь уважительному лебезению хозяина. Видимо, эти бритоголовые были его «крышей». Запомнила щенячий восторг группы, с которой работала в свою самую первую смену – молодёжь, девчонки и мальчишки лет по семнадцати, явно гуляла на родительские деньги. Судя по оплаченному времени и количеству заказанного спиртного – немалые. В другой раз я отметила решимость полнотелой блондинки, ошавшей от собственной греховности – было похоже, что дамочка впервые изменяла мужу и ещё не привыкла. Запомнилось мне и сальное вождение её спутника, который раскошелился на свидание в бане за полцены – в утренние часы у нас была скидка.

За два года я много чего в этой сауне повидала. И празднование дня рождения директора налоговой инспекции: набилось человек пятнадцать, все не столько парились, сколько пели караоке и с визгом (визжала женская часть состава, видимо, инспекторши) прыгали в бассейн. И обмывание новой звёздочки на погонах какого-то силовика. Силовик упился на радостях, напарился, сиганул в бассейн и чуть не утонул, сердце прихватило. Пришлось отпаивать его нитроглицерином. Я даже «скорую» хотела вызвать, наплевав на запрет Артура вызывать в сауну врачей и прочих и на наказ сначала звонить ему. Но тут вызывать врачей мне запретил сам «клиент» – мол, не дай бог, жена узнает, что он в бане был, неприятности будут, тесть у него большой начальник. Не знаю, почему он мне так подробно рассказывал – может, испугался, вот и разговорился, пока на кровати лежал. Ничего, обошлось, полежал, остыл, отпустило. Своими ногами домой ушёл.

Лица посетителей сауны мелькали калейдоскопом. Оказалось, что жених Лизаветиной Светки был не очень-то и неправ. Сауна хоть и не была стопроцентным борделем, специфику всё-таки имела определённую. Но права была и Лизавета – в мои обязанности ублажение гостей не входило. Мне и других хлопот хватало: деньги принять, время записать, чай приготовить, чистые простыни и полотенца подать, фрукты принести, спиртное выдать, проследить, чтобы гости имущество не испортили, а если вдруг испортили – в счёт за баню включить. Ну и убирать за ними, разумеется. Работала я сутки через трое, и довольно быстро втянулась в этот ритм. С утра баня чаще всего пустовала, наплыв желающих «помыться» начинался часов так с трёх. И мог продолжаться часов до восьми утра, если сауну на ночь выкупали под какой-нибудь мальчишник, девишник или корпоратив. Были и свои минусы в работе – иногда приходилось убирать блевотину за перепившими «отдыхающими». Почти всегда – использованные презервативы из-под обеих кроватей. Очень редко – отбиваться от игривых сластолюбцев, находивших мои линии под голубой, как у хирургической медсестры, униформой достаточно аппетитными для их внимания. Таким затейникам я объясняла, что на этот случай есть профессионалки, в каждой газете телефоны пропечатаны. А у меня другие обязанности. И денег мне и так хватает.

Место и впрямь оказалось вполне денежным. Чаевых, которыми меня одаривали шумно гуляющие компании, за месяц набегало на вторую зарплату. Подработкой в выходные – я телеграммы носила и подъезды мыла – я добирала ещё кое-какие денежки. Но через два года работы сауна эта стала мне уже надоедать. Да и жить с бабой Маней тоже стало совсем невозможно – бабка впадала в слабоумие стремительно, только что под себя не ходила, а поганец-внук, потенциальный наследник квартиры, появлялся за два года раза четыре. Цены на недвижимость росли ещё быстрее, чем бабманино слабоумие, на отдельную квартиру мне по-прежнему не хватало. И я всё-таки пересмотрела свои планы насчёт комнаты и к исходу второго года

работы в сауне Артура купила себе комнату в чистенькой коммуналке на Беговой. Распрошавшись с бабой Маней, я переехала, занялась пропиской и уже предвкушала, как, став полноценной москвичкой, найду себе нормальную работу.

И тут появился Николай.

В ту смену баню на ночь арендовали девятеро, шестеро мужчин и три дамы. И уже к одиннадцати ночи они загоняли меня просьбами: чаю им, пива, дубовых веничков, холодного «сочку». Приносила, что просили, заранее настраиваясь на щедрые чаевые. И никого особенно не рассматривала – насмотрелась за два года. Поэтому и Николая я увидела и разглядела только после того, как он уселся на горячие камни. И ничто ведь не ёкнуло в груди, ни когда я приносила им очередной чайник, ни когда сухие простыни выдавала. И даже когда ко мне прибежала одна из девиц, выпучив глаза и придерживая простыню у розовых распаренных тяжёлых грудей – «Срочно «скорую!» – я подумала, что у кого-то опять с сердцем плохо и кинулась за нитроглицерином.

– Коленька на печку сел! – остановила меня девица – У него всё прижарилось!

Прежде чем звонить Артуру, нужно было увидеть, насколько всё там у этого «прижаренного» серьёзно.

– Ожог? Пойдёмте, взгляну, – уgomонила я девицу, прихватывая баночку с гусиным жиром. Жир здесь стоял как раз на случай ожогов – народное средство, сменщица Таня принесла, обварившись на дежурстве кипятком. И сдавая смену хвасталась, как быстро всё заживает.

– А вы – врач? – засомневалась девица.

– Сестра милосердия, – хмыкнула я. – Пойдёмте.

– Вот, – сказала девица, заводя меня в одну из спален, где лежало на животе роскошное мускулистое мужское тело. – Это дежурная медсестра.

– На что жалуетесь? – выдала я, решительно наклоняясь к мужскому зад. Зад был пятнистым – камни оставили ярко-красные отметины – и в одном месте вздувался волдырём ожога. Мужик повезло – камней он, похоже, только коснулся. Я зачерпнула жира на пальцы, растёрла и смазала многострадальную задницу, едва её касаясь. Мужчина закричал, постанывая, а потом повернул ко мне голову:

– Какие нежные пальчики... Как зовут тебя, сестричка?

– Любовь Сергеевна, – сказала я официальным голосом. Ишь ты, пальчики!

– А меня – Николай.

Глава 4

Загадочный город на берегу моря с крепостными стенами, дворцом с башнями, куполами и арками я рассматривала несколько минут. Так и не разгадав, что же это там такое, вдали за оврагом, я пошла обходить край нашей плорщадки, двигаясь к морю. У крайних сосенок рощицы наткнулась на кучу тряпья. Что за помойка? Присмотрелась, подходя ближе. Тряпье оказалось обжитым – в ярком спальнике на цветной подстилке безмятежно спал мужчина,

рядом стоял полураскрытый рюкзак. «Надо же, какая беспечность! Спит и не боится!» – я поторопилась отойти, чувствуя себя так, словно вломила в чужую спальню. Не так-то тут и страшно, оказывается, зря пугал Арсений. Вон, как мужик спит, без палатки, и рюкзак расрыт.

С края плато, обращённого к морю, открывался сказочный вид: аквамариновая водная даль, сразу внизу – серые круглые валуны пляжа. Солнце, пока невысоко поднявшееся над водой, отливало розовым. Утро было потрясающе красивым. Воздух – вкусным. Я вдохнула утро полной грудью, наслаждаясь...

Постояв так, над морем, какое-то время, я продолжила свой обход. И вскоре опять наткнулась на мужчину. Этот не спал – сидел в позе лотоса лицом к морю и восходу. Мужик был чудо как хорош, и я засмотрелась: светлые волосы выбиваются из-под синей банданы, бронзово-загорелая кожа обтягивает рельефные мускулы на спине и руках. Я любовалась, причём не столько голым мужским торсом, сколько лёгкостью и естественностью позы. Сидит себе, будто и не в «лотосе», согнув колени и вывернув кверху пятки (я сама уже полгода пытаюсь добиться такой растяжки – бесполезно!). Да так безмятежно, словно не на обрывистом берегу над морем, а дома, на балконе.

– Там уже все встали? – спросил мужчина, не поворачивая головы, и только тут я узнала Арсения. Ого, а наш-то инструктор, показавшийся мне невзрачным, – практически Апполон, оказывается! Ох, он же, наверное, почувствовал, как я на него глазела! Я смутилась и поспешно ответила:

– Не знаю. Может, и встали уже, пока я тут гуляю.

И, заметив тропинку, которая спускалась по пологому склону, поспешила уйти.

Тропинка привела меня к очередному обрыву, нырнула за его край и там превратилась в крутую «козью тропу». Я буквально застыла в ужасе. Это что, это здесь я карабкалась нынче ночью?!!! Мама дорогая! Чудом не убилась!

Узкая тропинка спускалась к морю и пляжу. Одним боком она льнула к крутому склону, а вторым – к пустоте, которой служила границей. И пустота эта была весьма убедительной высоты, этажа в три, не меньше. Я, обмирая, потопталась у края, прикидывая, как бы спуститься к морю. Нет, не смогу! Сама не смогу. И я решила вернуться в лагерь, одновременно завершая начатый обход окрестностей.

Полуголый мужской торс продолжал стоять перед глазами. Как же он хорош, этот Арсений, который почти Апполон! Почти так же хорош был Николай. Хотя нет, Николай был крупнее в плечах. Николай не Апполон, скорее – Геракл.

Сейчас даже подумать странно, что не поджарь Николай тогда свою божественную задницу, я так бы и не разглядела его. А он – меня. И мы так и прошли бы мимо друг друга. И никогда больше не пересеклись... Наверное – к лучшему, если бы не пересеклись. Хотя есть такая штука, как судьба, и её, говорят, не обманешь...

Я точно знаю, что не обманешь, пыталась ведь. После той смены я долго боролась с наваждением, отгоняя от себя видение крепкого распаренного мужского тела. И твердила себе, что пора найти уже мужика для секса. Что пора прекращать третий год воздержания, скрашенного

проживанием со всё сильнее впадающей в маразм бабой Маней и лихорадочным зарабатыванием денег на квартиру.

Я даже пообещала себе, что вот закончу с оформлением бумаг и займусь уже вопросом личной жизни! Но вопрос сам занялся мною, и очень скоро. Через пару недель в мою смену баню арендовали на всю ночь. Арендовал Николай. Один. И попросил меня разделить эту ночь с ним. И я согласилась...

До той ночи, не смотря на свой шестилетний стаж супружества, я и не подозревала, что моё тело может такое вытворять и так чувствовать мужчину: каждой клеточкой, каждой жилкой, каждой порой вдруг задышавшей и ставшей очень чувствительной кожи. Любое прикосновение Николая вызывало такой отклик, такой взрыв чувственности, что очень скоро я забыла, кто я и где я. Оставались только наши тела и то невероятное запредельное наслаждение, которое мы дарили друг другу.

– Слушай, где ты раньше была, а? – спросил он, когда мы, наконец, обессилели и лежали рядом, сплетясь пальцами и общим запахом. – Я уже который год к Артурке в баню хожу, а тебя не видел.

– Наверное, в мою смену не попадал. Я два года уже здесь работаю.

– Да, знал бы я, какую штучку прячет Артурка в своём подвале...

– Я не штучка! – я резко села, подтянув к груди ноги. – Я администратор. И я, к твоему сведению, не трахаюсь с первыми попавшимися мужиками!

– А со мной? – хитро прищурился Николай?

– С тобой с первым...

– Попавшимся? – захохотал он и сгрёб меня с кровати, и потащил, вырывавшуюся, к бассейну. Спрыгнул вместе с со мной в воду и когда я, оттолкнув его, вынырнула с сердитым лицом, сказал примирительно:

– Ладно-ладно, извини, я всё понял. Ты не штучка. Ты... Любовь Сергеевна!

До утра мы успели и наплаваться, и напариться, и насидеться в пузырящейся джакузи, и даже поспать несколько часов на свежих простынях. А когда проснулись, Николай попросил меня ясным голосом уволиться к чёртовой матери с этой работы, потому что он не хочет, чтобы его женщина смотрела на голые задницы чужих мужиков...

– С добрым утром! Тоже не спится? – девичий голос выдернул меня из воспоминаний. Оля, соседка по палатке, шла навстречу и улыбалась, сияя круглым лицом.

– С добрым... Да, как-то не получилось у меня долго спать в нашей тесноте...

– А я вчера так устала, так устала! Лягла и сразу уснула!

«Лягла» – я мысленно поморщилась. Олин южный говор с мягкой «г», близкой к «х» как-то цеплял. Впрочем, не только он – вся девчонка была какой-то нелепой, под стать её «лягла»:

дурацкие широкие бермуды, доходящие до коленок белых ног, фиолетовая растянутая футболка, под которой скрывались широкое тело и большая мягкая грудь. Волосы её, распавшиеся на прямой пробор, болтались нечёсанными прядями до плеч и обрамляли простецкое круглое лицо. Толстые щёки, курносый нос, узковатый разрез глаз. И при том – насторожённая напряжённость в по-бабьи рыхлой фигуре. Я пронаблюдала, как девчонка, смешно ставя ступни носками врозь, дошла до края площадки и притормозила у «козьей тропы».

– Ой, как высоко! А как же тут к морю спуститься? Или мы ещё где забирались?

Она неуклюже топталась на краю обрыва, вытягивала короткую шею, заглядывая вниз, чем-то напоминая толстолапного щенка, который готовится прыгнуть с дивана. Я даже забеспокоилась, что и вправду прыгнет – костей не соберёшь.

– Здесь мы поднимались, других тропинок нет. Отойди от края, свалишься, не дай бог!

– Я это... я в море искупаться хочу!

– Потом искупаешься. Вот Арсений освободиться и отведёт!

Девчонка потопталась ещё, примеряясь к спуску, но послушалась и пошла к палаткам.

Наш палаточный городок тем временем проснулся окончательно. Оля помахала Соне и Олегу, которые сидели возле своего оранжевого домика и занимались чем-то интимным – Олег водил руками по спине подружки, и та поводила плечами... как-то излишне сладострастно. Увидев это, я поспешно отвела взгляд и стала наблюдать за Арсением и Таней, которые разводили костёр из сухих сосновых веток.

– Народ, воду достаньте, какая есть, – попросил Арсений, ставя на занявшийся огонь закопченный плоский котелок с водой. – Подсчитаем запасы.

Оля с послушным топотом метнулась к палатке, и вскоре та заходила ходуном – рюкзак, который девчонка второпях потащила наружу, зацепился за растяжку какими-то пряжками.

– Оля, осторожнее! И так палатка кое-как стоит! – сказала я, подходя к палатке.

Ну что за тетёха! Неуклюжая толстуха. Я аккуратно вытащила свой рюкзак, достала две двухлитровые бутылки, а потом, подумав, вынула и бутылки, торчавшие из карманов рюкзака Анны.

– Куда воду? – справилась, наконец, со своим рюкзаком и Оля.

– Сюда давай! – Арсений кивнул в сторону двух бутылей, стоявших поодаль и начал считать. – Так, ваших двенадцать, ещё у Сони с Олежкой по четыре литра, закончат спины править, принесут. Обед, ужин, днём попить... Предупреждаю, на посуду воду не тратить, посуду моем в море! Нет, не хватит воды на завтра. Нужно будет после обеда на родник идти.

– Ой, что-то мне так пить захотелось! – подхватила вдруг Оля, открутила крышку с одной из бутылок и присосалась. Именно присосалась, обхватив горлышко губами, как ребёнок, не умеющий воду в рот лить. Видимо, подсчёты Арсения вызвали приступ жажды. Смотреть на неё было неприятно.

– Оля, ты бы в кружку налила, – подсказала я. – А то напустишь слюней, пей потом после тебя...

– А я всю воду за день сама выпью, – пообещала девчонка, собственнически прижимая к себе бутыл. – Такая жара, я много в жару пью.

– Всем с добрым утром! – вышла из-за ряда сосёнок Анна. – Ох, как тут красиво! Арсений, а что там за Бахчисарайский фонтан? – показала она в сторону загадочного города.

– Да декорации это. Киношники построили, несколько лет уже стоят. То ли фильм ещё не сняли, то ли разбирать потом пожалели, – Арсений с хрустом разломал хворостину и подкинул в костерок.

– Вот бы глянуть! – сказала Оля, опять готовясь приложиться к бутылке. – Я потом туда сгоняю.

– Там сторож живёт, не очень туристов пускает, – предупредил Арсений.

– А за водой далеко идти? – спросила я, наблюдая, как Оля проливает воду себе на футболку.

– Примерно час в одну сторону, – он показал в сторону высокой горы. – Тут ближе есть родник, как раз возле декораций, но что-то я туда не очень... Виноградники сверху, их наверняка чем-нибудь опыляют, как-то мне не хочется из-под них пить, с ядохимикатами. Ну, народ, вода закипела, набирайте, пока чаю не насыпал!

Завтрак получился весёлым. Помимо разного рода «забодяжек» (так я называю всё, что требуется разводить кипятком. Когда-то Николай так называл сухое картофельное пюре, и с тех пор слово прижилось), почти у всех остались недоеденные продукты из поезда – кто-то выложил помидоры и огурцы, кто-то – слегка оплывший на жару сыр, кто-то пакетик орешков. Я вынесла к костру остатки тонкого лаваша и баночку плавленого сыра, и эта еда была принята остальными с таким восторгом, словно они уже неделю жили на сухом пайке. Анна поделилась со мной «забодяжкой» из овсяных хлопьев. Костёр, каша, ещё жаркое сентябрьское солнце... На какие-то минуты мне показалось, что я – школьница. Что нас, старшеклассников, вывезли на уборку винограда в пригородный совхоз, и мы сидим и пьём чай, прежде чем начать срывать тяжёлые синие и зелёные гроздья.

– Такое место... Очень похоже на степи возле Джамбула, – озвучила я свои видения, отставляя кружку с кашей и зачёрпывая чай второй кружкой, маленькой. – Нас, школьников, вывозили туда на виноградники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.